

Солус. Ветер донёс до меня моё имя – шёпот, не имеющий видимого источника. Я хмыкнул и встал, стряхивая с плеч тяжесть команды.

— Девяносто три? — разочарованно спросила Селена. Она сидела на своём алом треножнике, поджав под себя ноги, и считала мои повторения. — Я была уверена, что сегодня ты добьёшь сотню. — Сократ установил для меня и моей физической подготовки планку в сто повторений любого упражнения. Как только я мог сделать сотню, я увеличивал вес гравитаса до тех пор, пока едва мог сделать одно, а затем снова работал до сотни.

— Дух желает, но плоть слаба, — солгал я, вставая во весь рост и потягиваясь. Когда я поморщился, это было лишь отчасти притворством. Я мог бы сегодня дотянуть до сотни, но я бы страдал каждое последнее повторение.

Но в качестве оправдания сойдёт. Я бросил многозначительный взгляд на Алого Оракула, пока потягивался. Она наклонила голову, золотистые волосы рассыпались по плечам.

— Не уж-то варвар хочет массаж? — Как и всегда, старуха из Разбитого Прилива увидела мои намерения раньше всех остальных во дворе. Древняя женщина уставилась на меня своими слепыми, трезубыми глазами. — Как самодовольно считать, что твоё уродливое, грубое тело достойно святых рук Оракула.

— О! — Спина Селены резко выпрямилась, и девушка накинула золотистую вуаль обратно на лицо. — Понятно. Ну, я полагаю...

— Тебе не нужно заставлять себя, дорогая. Для девочки твоего возраста это непросто, — раздался сочувственный голос женщины, не имевшей ничего кроме дурных намерений. Я уставился на Оракула Алебастровых Островов, женщину по имени Чара с губами, накрашенными бело-золотой краской, и линией того же цвета, проходящей от кончика языка до задней стенки горла. Она улыбалась, подогнув правую ногу к груди и положив щеку на колено. — Полагаю, ничего не поделаешь. Подойди и позволь этому облегчить твоё ноющее тело.

Тонкие руки обхватили мой бицепс, и прежде чем я успел ответить, Селена уже протащила меня на полпути к личным покоям Алого Оракула с подавляющей силой Героического культиватора. Мелодичный смех и мерзкий гогот преследовали нас на протяжении всего пути в комнату и прекратились лишь тогда, когда Селена захлопнула за нами дверь.

Каждый из оракулов пользовался привилегией личного жилого пространства, спрятанного за стенами октагонового двора покойного кириоса в Каукосо Монс.

До смерти Тирана эти покои предназначались только для сна и купания. Кириос был не настолько жесток, чтобы требовать от святых женщин принимать ванну и спать в его присутствии, но он также был не настолько добр, чтобы предоставить им личный досуг. Если Оракул не спала, не принимала ванну или не находилась в своём общественном храме, где мистики и другие люди могли искать её мудрости, кириос решил, что она будет находиться у него во дворе. Она будет ждать на одном из треножников, которые он вырезал сам – на случай, если она ему когда-нибудь понадобится.

И хотя после смерти кириоса некому было следить за соблюдением этого правила, некоторые оракулы все ещё придерживались этой привычки. Для них – Оракулов из Города Шквалов, Алебастровых Островов и Побережья – я полагаю, что это инерция долгой практики в той же мере, что и желание иметь компанию. Остальные святые женщины в основном держались особняком в своих личных покоях.

Было ли это вызвано моим постоянным присутствием, я сказать не могу. Да и вряд ли это имело значения. В отличие от Грифона, я прибыл в Олимпию не в поисках мудрости Оракулов.

Селена прижалась спиной к двери в свои личные покои, представлявшей собой широкую плиту из белёного дерева с выцветшей резьбой в виде расщеплённого солнца. Её сокрытое вуалью лицо было обращено ко мне. В течение долгой минуты, никто из нас не говорил.

— Как я справилась? — нерешительно спросила она. Я ухмыльнулся.

— Достаточно хорошо.

Алый Оракул с облегчением выдохнула и стекла по двери, и свет факелов в комнате сместился, когда Скифас вышел из пустого воздуха рядом со мной.

— Тебя видели? — спросил я его. Он покачал головой.

— Не дальше лестницы в небо.

— Даже старейшины?

— Я обошёл все их владения, — твёрдо сказал он. — И я ждал, пока Оракул не потеряется в её испарениях, прежде чем двинуться.

Завеса переменчивого ветра, которой Скифас пользовался, чтобы скрыть свои перемещения по горе, пока что работала бесперебойно. Хотя он был не уверен во многих вещах, Герой Косящего Шквала был непреклонен, что он сможет избежать обнаружения лучше Селены. Это была единственная причина, почему я позволил ему покинуть владения кириоса – если верить ему, единственными существами на горе мимо которых он не мог проскользнуть с помощью своей завесы, были Тираны в своих владениях и Оракул его собственного Культа Воющего Ветра.

Именно по этой причине мы никогда не встречались вне рабочего времени его Оракула, когда её чувства были одурманены токсичными испарениями, которые святые женщины использовали для вызова пророчеств. Общеизвестно, что оракулы больше не могут давать пророчества, но старые обычаи долго умирают.

— Хорошо. — Я тяжело опустился на мягкую подстилку и отработанными движениями отстегнул пряжки и ремни, прикрепляющие нагрудник к телу. Подарок от Сократа, насколько он был способен дарить подарки. Я спросил старого философа, сколько он ему стоил и откуда он его взял, но он лишь отмахнулся от меня и бросил мне в глаза риторику за мои хлопоты.

Это был хороший доспех. Крепкий, поцарапанный и потёртый, но, несомненно, целый. Он был вырезан в обычной манере, в виде обнажённого торса мужчины. Двигаться в нём, пока я тренировался было комфортно в степени, которую я не мог объяснить.

— Расскажи мне, что ты слышал, — попросил я Скифаса, откладывая в сторону доспехи и разминая плечи, схватившись за место соединения ключиц с шеей, когда мои мышцы

болезненно сжались. Я не позволил этому показаться на моём лице. Только не перед ним.

Я напрягся, когда тонкие руки отвели в сторону мои и впились в стыки моих перенапряжённых мышц. Я взглянул на Селену. Её лицо по-прежнему закрывала вуаль золотистого шёлка с яркими красными нитями, похожими на солнечные лучи.

Её руки замерли, когда я поднял на неё глаза. Затем, медленно, они возобновили движения.

— Селена, — тихо сказал я. — Массаж был лишь прикрытием, чтобы затащить нас сюда.

— Разумеется. — Её голос был лёгким, слегка весёлым. — Но лучшая ложь - это переделанная правда. Что мы будем делать, если Чара заметит, что ты всё ещё напряжён, когда мы выйдем из комнаты?

Лучше спросить, что я буду делать, если мне и дальше придётся жить в окружении надоедливых Греков, но да ладно. Я позволил ей заниматься своими делами, вернув своё внимание к первому герою, которого я встретил в этом городе. Первому человеку, кто заподозрил нас с Грифоном в злом умысле, и теперь первому, кто стал моим разведчиком внутри культа.

— Вещи несколько замедлились, с тех пор как вы двое столкнулись с Оводом, — сказал он, и в его словах все ещё чувствовалось удивление. Он не до конца верил в это, пока я сам не рассказал ему, и это несмотря на то, что он нашёл меня по слухам о том, как Сократ протащил меня по горе. — Если другие старейшины хоть чем-то похожи на моего, то ситуация обострилась бы очень быстро, если бы вы двое продолжили в том же духе. И особенно после того, как вы втянули в это остальных.

Он покачал головой, прислонившись к стене рядом со мной. Он всё ещё выглядел измождённым, под глазами залегли тёмные мешки, но цвет карега пламени в его глазах просветлел из медного снова в золотой.

— Бушующие Небо - это учреждение, в которое съезжаются люди со всего континента, — сказал он. — Среди посвящённых всегда было много людей, не связанных ни с каким другим культом: успешные люди из безымянных поселений или культиваторы, оправляющиеся от позора в других учреждениях. Когда кириос был жив, они служили непосредственно под его знаменем, как и все остальные. Но теперь у них нет мастера, которому они могли бы служить. Старейшины в первую очередь обращают внимание на таких посвящённых.

— Джейсон упоминал о вербовках через лекции. — Я сделал мысленную заметку о том, в какое место дёрнулись глаза Скифаса, когда я произнёс это имя. — Они полностью перешли к этому?

Он кивнул: «Это... Ситуация не улучшилась по ночам, но она перестала ухудшаться. Я не думаю, что они собирались выводить своих Ворон в открытую так рано, но вы не оставили им выбора. Теперь вопрос в том, кто отступит первым».

— Вряд ли это вообще вопрос. — Как любой из них мог отступить, когда игра только началась?

— Именно. Но, на данный момент, ситуация не ухудшается. Вместо этого старшие философы в полном составе читают лекции на все темы под солнцем. Это хорошее время, чтобы быть

младшим в поисках знаний.

— И если лекция случайно приводит к другим темам, как можно обвинить человека в том, что он следует естественному течению беседы, — заключил я. — Что ещё?

— Подготовка к Играм идёт полным ходом. Кириос уже вёл переговоры с городскими властями, иностранными сановниками, другими городами-государствами и их культурами – но с его кончиной переговоры зашли в тупик. Конечно, люди города предложили взять на себя бремя, пока Бушующие Небо скорбит, но старейшины не могли позволить им нести его в одиночку.

В речи Героя Воющего Ветра была особая горечь. Я вспомнил ночь похорон, когда Скифас был единственным из всех его сверстников, кто защищал намерения старейшин. Это было не так давно, но последовавшие за этим события явно ослабили этот оптимизм.

Скифас явно держался за одну надежду сильнее прочих – что, несмотря на все махинации прожорливых Тиранов, смерть великого человека – это то, чему они все могут согласиться отдать уважение. И старейшины не теряли времени даром, дабы исправить его. Это был урок, который мне пришлось усвоить в самом начале моей службы в легионах. И это был урок, который рано или поздно должен был усвоить каждый человек.

— И тот, кто возьмёт на себя командование в переговорах по логистике, добавит ещё один туз в свою колоду, — сказал я, просто чтобы все поняли. — А другие кириои придут?

Скифас заколебался. На его шее вздулась вена, и я понял, что в нём ещё теплился след того мрачного оптимизма. Небольшой остаток, что ещё не растоптало Бушующее Небо. Он не хотел отвечать, потому что не хотел верить в ответ.

Поэтому, вместо этого я обратился к Оракулу: «Селена. Ты присутствовала на последних Олимпийских Играх?»

— Да, — ответила она, проворными пальцами нажимая на то место, где моя челюсть встречалась с ухом. Я послушно наклонил голову, не желая выдавать облегчения, которое испытывал там, где проходили её пальцы.

— А кириои там были?

— Нет. Ни один из них.

— И почему нет? — спросил я, пристально глядя на Скифаса.

Селена хмыкнула, алый свет мерцал за её вуалью: «Для многих городов-государств кириос местного культа тайны является самым сильным сдерживающим фактором для потенциальных захватчиков».

— Мне говорили, что конфликты в свободном Средиземноморье прекращаются, как только начинаются игры.

— Так и должно быть. По большей части так оно и есть. Но с недавних пор ситуация стала... напряжённой.

— Потому что кириос умер?

Селена покачала головой, золотистые волосы коснулись моей щеки. От неё пахло кипарисом.

— С не настолько недавних, — поправила она себя. — Это началось до моего рождения. Может быть, даже и до твоего. — Последняя фраза была произнесена с явным намерением. И если бы мы были одни в комнате, я бы, наверное, даже ответил на невысказанный вопрос о моём возрасте. Но мы не были. И поэтому я не стал.

Алый Оракул тихонько хмыкнула и продолжила: «Во второй раз, когда я присутствовала на играх, я задала отцу тот же вопрос начёт кириои. Зрелищные гости обязательно приедут, несмотря ни на что, да и сами атлеты были радостью для глаз, но кириои занимают особое место в сердце нашей культуры. Если они могли доверить своим соперникам соблюдать перемирие пока их лучшие собрались в Олимпии на соревнования, то почему бы им и самим не приехать?»

В свободных городах-государствах Греции дети Елены уже давно согласились с тем, что тот, кто готов пренебречь Олимпийским пактом о мире, не заслуживает своего места среди неба и земли. Угроза неограниченного сотрудничества между свободными городами была тем, с чем ни у одного человека не было смелости столкнуться — не с тех пор как Александр увёл свои армии на восток.

— И что сказал твой отец? — спросил я, и Скифас сам наклонил голову, руки его влияния протянулись через пространство между нами. Одна из его техник ветра, та, что позволяет ему подслушивать. Он не хотел пропустить ни слова.

Мудрость Тирана — это валюта, которой не может быть достаточно ни у одного человека.

— Он сказал, что доверять другим — всё равно что потеряться в море, — сказала она, поглаживая большими пальцами основание моей шеи. — У этого нет конца, или цели, к которой можно добраться, и если бы она и была, то никто на борту не знал бы к ней путь. Поэтому всё, что ты можешь сделать, — это работать веслом и молиться, чтобы остальные на борту сделали то же самое. Потому что даже если их и устраивает такая ситуация, тебе всё равно нужно добраться до дома.

— Кто-то должен грести, иначе жажда заберёт их всех, — размышлял я.

— Один человек, гребущий в одиночку, заработает себя до смерти, — добавил Скифас. — Двоим будет не сильно лучше. Это должны быть все.

— Это должны быть все, — согласилась Селена. — Он сказал, что если один человек сидит сложа руки, пока все остальные тянут вёсла, то вполне естественно, что его выкинут за борт. То же самое с двумя или тремя. Пока те, кто гребёт добросовестно, сохраняют большинство.

— Но большинство всё ещё соблюдает пакт, — сказал я, доведя аналогию до её естественного конца. — Свободные города живут в мире уже больше века. Разве не так?

— Я задала тот же вопрос, — грустно сказала Селена. — И мой отец сказал мне, что наше доверие было нарушено не большинством. Он сказал мне, что есть и другие способы. Способы, которыми один человек может в одиночку разрушить то, над чем трудились все остальные. — Её пальцы замерли. Отступили.

— Он может выбросить вёсла, пока они спят, — прошептала она. — Он мог бы обречь их всех на волю Судьб.

Скифас сполз по стене и сел, поджав колени к груди.

— Один человек разрушил то, над чем старались все остальные, — сказал он с сожалением. — Кириои уже несколько десятилетий не присутствуют на играх, потому что недостаток войны не всегда означает обилие мира. С тех пор как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать все разговоры, которые мне не предназначались, жители Ураганных Высот жили, как в скорлупе. Буря пронеслась через Средиземноморье ещё до нашего рождения, и города-государства только начали оправляться от неё.

Я чуть было не спросил, что он имеет в виду, но паранойя остановила меня. Что-то в том, как он это сказал, в его взгляде подсказывало мне, что это то, что должен знать человек, которым он меня представлял. Что-то, что я должен был знать. Я оставил этот вопрос на потом, решив спросить об этом Грифона, когда мы воссоединимся.

Вместо этого я произнёс слова, которые, как я знал, вскрыют его, как устрицу.

— И всё же.

— И всё же, — жалобно повторил он, — эти Игры теперь другие. Кириос Кюльта Бушующего Неба мёртв, и старейшины уже решили провести эти Игры в память о нём. Это вполне приемлемо, что никто из кириои не покинул свои культы и города, чтобы присутствовать на его похоронах, что состоялись так скоро после его смерти. Но у них есть ещё несколько месяцев до Игр, чтобы подготовиться.

— Пропустить Игры - значит оскорбить его память, — сказал я, и нити стали соединяться одна за другой. Чем больше я узнавал о нём, тем более абсурдным становился покойный Кириос. Одно оскорбление его памяти уже несло такой вес. — Но это ещё не всё.

Скифас зажмурил глаза, и я безжалостно растоптал то, что осталось от его мрачного оптимизма.

— Это ещё не всё, — повторил я, вкладывая в слова Гравитас и заставляя их пробиваться сквозь завесу ветра, которую он подсознательно создал вокруг своих ушей. — Ведь ничто не говорит, что следующий кириос Бушующего Неба должен быть гражданином Олимпии.

— Да... — наконец прошептал он. Приняв то, что было перед ним всё это время. — Тираны на этой горе готовят Олимпию к играм, но они также готовят себя к борьбе за власть. Когда придут кириои... Я не знаю. Но они будут здесь, все. Они не могут позволить себе альтернативу.

Я выжег выражение его лица в своей памяти. Я не стану утешать его, из-за этого. И не стану признавать это, не сейчас. Но я также никогда не забуду это. Я отправил его искать информацию там, где я не мог сам, зная, в каком он состоянии. И вот он здесь. Вот плод трудов капитана.

— Ты хорошо справился, Скифас, — тихо сказал я. Меньшее, что я могу дать ему сейчас, — это правду. И это было всё, что я могу ему дать.

Ну а сейчас.

Я протянул руку к пустому месту в комнате Селены – тому самому месту, куда устремился взгляд Скифаса, когда я произнёс имя пирата, – и сжал кулак.

Все предметы мебели в комнате покатались по полу в мою сторону, глиняные горшки разбились при падении. В воздухе разлетелись куски солнечного шёлка и листы папируса с рисунками.

Герой Алебастровых Островов выпал из пустого воздуха, когда завеса Скифаса разорвалась под гравитасом. Джейсон уставился на свои теперь уже видимые руки, а затем на меня, широко раскрыв глаза.

— О, и я солгал раньше. — Скифас махнул рукой на своего товарища Героя, слишком сокрушённый, чтобы стыдиться того, что его поймали. — За мной следовали.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3551568>